

Знаете такое выражение: «оказать честь» или вот ещё – «оказать доверие»? Что ещё можно оказать? Можно ещё оказать услугу, внимание, заботу, помощь, содействие, сочувствие... Не припомню, что ещё можно оказать. Но со словом «оказать» всегда связано что-то хорошее, важное и благородное. Но доверие, на мой взгляд, самое серьёзное и прекрасное, что может оказать один человек другому. И я помню, как в первый раз в жизни, мне было оказано доверие. Именно оказано.

В школе я никак не мог найти себе занятия. Точнее, не в самой школе, а в школьном возрасте. А занятие очень хотелось найти. Часто бывало скучно, а энергии было много. В своё время, то есть в младших классах, родители меня не отдали в музыкальную школу. Ни папа, ни мама на музыкальных инструментах не играли. Жили мы тогда то в съёмной маленькой квартире, то в общежитии. Пианино просто некуда было поставить. Да и если бы меня отдали учиться играть на скрипке, баяне или даже на флейте, куда деваться от звуков? Родителей я понимаю. Жалко, конечно, что из-за этого я не владею никаким музыкальным инструментом, но понять родителей можно.

Спортом я никаким не увлёкся. Я хотел ходить на бокс или фехтование, но ездить нужно было далеко, через весь город. Записался на плавание, походил в бассейн, но как только ударили морозы, я стал часто простывать, пропускать и плавание и школу. Так что с этим пришлось быстро завязать. Какое-то время ходил на хоккей. Моментально научился хорошо и маневренно кататься на коньках, но вот играл я плохо. Катался я лучше многих, но вот играл совсем плохо. Казалось, и бросать шайбу могу, и пас отдать могу, но игра не шла. Я не видел, что происходит на площадке, не понимал ситуации, а главное, мне было всегда всё равно, выиграем мы или нет. Не было у меня азарта. Тренер через какое-то время это понял, и порекомендовал мне прекратить занятия хоккеем, и не заниматься другими видами игрового спорта.

Тогда я пошёл в кружок авиасудомоделирования. Там люди моего возраста творили чудеса. Их самолёты летали, корабли плавали. Там я увидел тринадцатилетних, таких же, как я, парней, которые целый год могут конструировать и, не торопясь, изготавливать модель катера или яхты. Быстрых успехов я там не добился, руки у меня оказались не золотые, в число любимых и перспективных учеников я не попал и отвалил.

Я тогда довольно много читал. Но мои одноклассники после уроков спешили на тренировки, занятия, репетиции, а я шёл домой. Я не мог поддержать общего разговора о соревнованиях или выступлениях. Про меня учителя не спрашивали: «А где он сегодня, почему отсутствует на уроке?» И про меня не говорили одноклассники: «А он уехал на соревнования в Омск, вернётся в понедельник». Про меня не сообщала наша классная руководительница: «Не теряйте его, он с городским хором уехал в Минск на конкурс, пожелаем ему успехов».

С шахматами, шашками ничего не вышло.

Хуже всего было летом. Летом было ну уж совсем скучно. Были такие дни, когда интересной книжки нет, кино интересного ни одного в кинотеатрах не шло, все куда-то поразъехались, по телевизору одна ерунда, пойти выпить квасу или съесть мороженого одному не хотелось. Вот и проходил целый день так тягуче и утомительно либо в бессмысленном валянии дома на диване, пока родители на работе, либо в одиноком слонянии по городу и рассматривании пыльного асфальта. В голове в такие дни звенела тишина и пустота.

Недавно я вспомнил такое своё летнее состояние и сильно по нему поскучал. Я даже поделился своими воспоминаниями с приятелем. Мы как раз сидели у него на даче, стоял жаркий июльский день. Я напомнил ему о детско-юношеском летнем скучании и сказал о том, что с удовольствием поскучал бы так, как тогда. Потому что теперь, когда выпадает

безделье, это всё равно не та скука, в голове-то всё чего-то копошится, варится, беспокоит и не отпускает. И ещё уже не вернуть того детского ощущения неподвижности времени.

Мой приятель, весьма занятой человек, тут же это ощущение вспомнил и тоже пожалел о нём и о его безвозвратности. С нами тогда сидел и слушал наши разговоры его шестнадцатилетний сын.

- А у меня каждый день такой, - кислым тоном сказал он нам, нас дослушав.

В общем, я искал, искал занятие, и в итоге к четырнадцати годам его нашёл. Точнее, занятие нашло меня. Родители подарили мне на тринадцатилетие фотоаппарат. Это был серьёзный и взрослый подарок. Но фотоаппарат тогда и процесс фотографирования тогда были далеко не тем же самым, чем они являются теперь. Это теперь фотоаппараты делают всё сами, и процесс изготовления фотографий не составляет никакого труда. Именно из-за этого так много фотоснимков накапливается в домах целыми кипами. Редко у кого доходят руки подписать эти фотографии или оформить их в альбомы. Так и лежат эти картинки жизни где-то в шкафах, и уже невозможно восстановить, в каком году сделан тот или иной снимок. Да и лица многих случайных летних приятелей, попутчиков, собутыльников кажутся незнакомыми, а их имена вылетели из головы безвозвратно.

А тогда купить фотоаппарат - это было пол дела, даже четверть дела. Нужно было к нему купить фотоувеличитель, для того чтобы фотографии печатать, а ещё фотофонарь с красным стеклом, ванночки для проявителя, закрепителя и промывания фотографий. Нужен был фотоэкспанометр, чтобы правильно определять, какую выставить выдержку и диафрагму на фотоаппарате и объективе, нужен был фотобачок, для проявления фотоплёнки... И ещё нужно было уметь всем этим пользоваться. Представляете, как трудно было заправлять плёнку в кассету, а потом для проявки в фотобачок. Это нужно было делать в полной темноте. Короче, я всего этого делать не умел, и подаренный фотоаппарат пролежал без дела почти год.

- Мы тебе уже год назад подарили отличный фотоаппарат, и где фотографии? – спросил как-то в раздражении отец, когда я, очевидно, маялся от скуки и безделья, - вот и дари тебе что-нибудь после этого. Вот и думай, чем тебя занять!

После такого жёсткого замечания нужно было заняться изучением фото процесса и получением навыков. И я пошёл и записался в фотокружок при станции юных техников.

Я пришёл на станцию юных техников. Я уже бывал в этом месте, когда пытался попробовать себя в моделировании. Там были ещё кружки мото- и автотехники. Были и ещё какие-то кружки. В окнах этих кружков были видны разные станки, какие-то находящиеся в работе модели или мотоциклы. Но окна фотокружка наглухо были покрашены чёрной краской. Их как бы не было, этих окон. Само помещение фотокружка находилось в самом конце коридора, и дверь в него всегда была закрыта.

Я подошёл к этой двери. За ней не было никаких звуков. Я постучал, подождал, постучал снова, но безрезультатно. Тогда я постучал сильнее.

- Не ломайте дверь, - услышал я из-за двери, - минутку подождите.

Я подождал минуты три.

- Так! Все убрали всё? – услышал я, наконец, голос человека, который находился прямо за закрытой дверью – Раз, два, три. Открываю.

Дверь открылась, точнее, приоткрылась.

- Я хотел записаться... - начал было я.

- Заскакивай давай! Мухой! – услышал я приказ и, как мог быстро, юркнул в приоткрытую дверь.

Я оказался в тёмном, без проблеска белого света помещении. Я бы назвал эту темноту адской. Сначала я ничего не мог разглядеть, кроме нескольких кроваво-красных фонарей, которые очень тускло освещали пространство. В помещении стоял сильный запах разных химических соединений. Но запах был не противный, а таинственный и деловой.

- Ну? – услышал я краткий вопрос.

Задал его тот же голос, что звучал из-за двери. Говорил высокий молодой человек. Я не мог его толком разглядеть. Привыкая к темноте, я различил ещё с десяток людей, которые молчаливо чем-то занимались.

- Я хотел записаться... - снова начал я.

- А чё ты шёпотом-то? Говори нормально. Звук – это не свет. Ничего здесь голосом не попортишь, - сказал всё тот же голос.

А я, действительно, заговорил шёпотом. Сработал инстинкт: в темноте только шёпотом.

- Я записаться хотел в фотокружок, - сказал я всю фразу более-менее чётко.

- Записаться? – переспросил мой собеседник. – Ну, тогда тебе надо подождать. В середине учебного года обычно не записывают. Надо в начале учебного года приходиться.

- И что тогда мне делать?- спросил я.

- Так подождать, я же сказал.

- До конца учебного года? – почти радостно спросил я. Мне хотелось скорее на свет, и у меня теперь была отличная отговорка для отца.

- Зачем? Подожди немного. Посиди. Начальник придёт, поговори с ним. Он тебя и запишет. Или не запишет. Садись.

Я сел на едва различимый в темноте стул, к которому меня повели, и стал ждать. А работа в свете красных фонарей не прекращалась. Очень быстро ощущение реального времени суток исчезло. Я смотрел на молчаливых, всех занятых своим делом и сосредоточенных сверстников и парней постарше. Я думал, что всё то, что я вижу – это не по мне. А они работали, как какие-то гномы в глубине своих гротов. У них были какие-то свои, очень специальные, непонятные мне разговоры между собой.

- Осталось пятнадцать минут. Закругляйтесь, - сказал тот парень, что открыл мне дверь. – Через пятнадцать минут включу свет.

Все немного ускорили свои действия и чем-то громче зашелестели.

- Ну! Включаю, - примерно через пятнадцать минут прозвучало очень решительно.

- погоди, погоди! Секунду! Щас бумагу закрую лучше, - сказал кто-то. – Готово. Включай.

И зажёгся яркий белый свет ламп дневного света. И я, ослеплённый, увидел, оказывается, совсем небольшое помещение со столами вдоль стен и стоящими на этих столах фотоувеличителями. Я увидел шурящихся парней, в основном, моего возраста. Многие были в школьной форме. Девчонок не было вовсе. Никто не обратил на меня внимания. Все разом заговорили и начали активно приводить свои рабочие места в порядок. Те, кто заканчивал свои дела, брали с вешалки у двери одежду и, кто прощаясь, кто не прощаясь, уходили.

Минут через десять после включения света, ушли почти все. И тогда в дверь вошла шумная компания мальчишек, человек семь-восемь, все младше меня, все покрасневшие с мороза. Возвышался над ними мужчина лет тридцати пяти, сутулый, худой, в куртке, кроличьей шапке и с очень острым лицом.

- Юноши, юноши, - говорил он им громко, - отснятые плёнки смотать в кассеты и забрать домой. В пятницу придёте, будем проявлять и смотреть, что мы с вами наснимали. Давайте живо и по домам. Только по домам. Не шляться и не врать дома, что были здесь.

Сказав это, он прошёл через всё уже осмотренное и изученное мною помещение, открыл ключом запертую дверь и вошёл в невидимую мне комнату.

- Вот он пришёл, - сказал мне самый старший из всех парней, который меня впускал, разговаривал со мной и был здесь за старшего. – Давай, иди, разговаривай.

Дверь той комнаты, куда ушёл человек, которого назвали начальником, осталась открытой, я зашёл в неё на один шаг.

- Извините, я хотел записаться к вам в фотокружок, - сказал я робко, но отчётливо.

- Так записаться ко мне или в фотокружок? – услышал я вопрос. – Это важно, сформулируй точнее.

Человек, когда начинал свою фразу, стоял ко мне спиной в дальнем конце комнаты, а когда заканчивал свой вопрос, оглянулся, посмотрел на меня и улыбнулся.

Комната была узкая, длинная, без окна. В ней было очень много предметов. Полки, шкафы, металлические шкафы типа сейфов, какие-то коробки, рулоны и, чёрт знает, что ещё. Отдельно стоял шкаф без дверцы, в нём ярко горела белая лампа, и в этом шкафу висели фотоплёнки, очень много.

- Ну что, юноша, можете вы сформулировать, куда и зачем вы пришли, как вы сказали, записаться? – продолжил хозяин комнаты.

Я не смог сформулировать и молчал. Я усиленно думал, что же ответить и сильно хотел уйти, полагая, что у меня и без того сложная жизнь, чтобы ещё формулировать то, что я не хочу формулировать.

А человек смотрел на меня и улыбался. У него было очень необычное лицо. Тонкие, довольно длинные волосы соломенного цвета не имели определённой причёски, и в беспорядке обрамляли лицо, закрывая уши. Светлые глаза улыбались, чёткий выразительный рот улыбался, лицо его, очевидно подвижное и имевшее большие мимические возможности, было худым и вытянутым, с острым, гладко выбритым подбородком. Но главной, не забываемой и уникальной составляющей его лица, был нос. Он был похож на... острый клюв. Но клюв не орлиный, а клюв неведомой птицы. Нос был прямой, без горбинки, длинный, но не торчащий вперёд, а своим остриём направленный вниз. И крылья этого носа были точно нарисованы. Дружеский шарж или карикатуру на этого человека рисовать было, видимо, очень легко. Нос его сам по себе казался карикатурным.

Верхнюю одежду он снял и остался в светлой клетчатой рубашке, расстёгнутой до середины его не совсем атлетической груди. Потёртые, но чистые джинсы очень обтягивали его тонкие кривые ноги, эти джинсы книзу заканчивались небольшими клёшами. На поясе был широкий кожаный ремень с большой пряжкой. Очевидно, этот человек слушал и любил хард-рок.

- Ладно, ладно, не обижайся, я шучу. Но на какие-то вопросы ответить придётся. Ты уже взрослый юноша, лет пятнадцать уже есть?

- Четырнадцать, - ответил я, польщённый и моментально оттаявший.

- Серьёзный возраст, - без иронии сказал он. – Зовут?

- Евгений.

- Запомню. А меня Владимир Лаврентьевич. Если будем общаться дальше, сокращай до Владимир Лаврентич, а то вообще не выговоришь. Ну, давай побеседуем, садись. – он предложил мне табуретку, а сам сел рядом и уставился на меня. – Фотографировать умеешь?

- Нет, не умею, - быстро ответил я.

- Камера есть?

- Что?

- Фотоаппарат есть?

- Есть

- Какой?

- Новый, - ответил я.

- Прекрасно, - искренне сказал он. - А как называется, какой модели, какой объектив?

- А вот, - я достал из портфеля, который был со мной и стоял на полу возле табуретки свой фотоаппарат в кожаном футляре. Я стал расстёгивать футляр...

- Понятно, можешь его не доставать. Хороший аппарат, чтобы папу и маму фотографировать. Но для начала лучше и не надо, - сказал он быстро. – А что ты сам хочешь фотографировать?

- Не знаю. Сначала хочу просто научиться.

- Научиться что? На кнопку нажимать?

- Да. И на кнопку нажимать, и чтобы в итоге получилась фотография.

Он тут же наклонился ко мне ближе.

- Молодец! А ты сердитый, - заулыбался он. В итоге фотография, говоришь? Это правильно. Только вот, что будет на этой фотографии? Вот вопрос. От твоего ответа зависит, будем мы общаться, или я научу тебя родителей фотографировать, или мы попрощаемся прямо сейчас раз и навсегда, – он сделал паузу. - Читаешь много?

Я не ожидал такого вопроса. И хоть мой четырнадцатилетний возраст кричал мне, что я не обязан отвечать и вообще подвергаться допросу, но человек, сидящий напротив меня этот крик заглушал.

- Читаю! – ответил я, поразмыслив. – Немного.

- А кого любишь читать, каких писателей? Только не из школьной программы, я не экзаменатор.

- Люблю... - снова задумался я, - Джека Лондона, Эдгара По, Стивенсона люблю. А в школьной программе тоже есть хорошие книги.

- Какие такие?

- «Капитанская дочка», «Мёртвые души»...

- Прочитал?

- Да. Прочитал.

- А у Джека Лондона что больше всего нравится?

- Рассказы.

- Ну, слушай! Это несерьёзно! Рассказы, - возмутился он.

- Почему? – удивился я.

- Сказать, что тебе из произведений Джека Лондона нравятся рассказы – это ничего не сказать. Это всё равно, что на вопрос «какой твой любимый полонез» ответить «полонез Огинского», - разгорячено сказал он. – Какие рассказы нравятся. Что, все, что ли, нравятся?

- Нет, не все. Северные нравятся, а про южные моря или про бродяг не нравятся. И еще «Морской волк» нравится, но это роман.

- Во-о-от! Другое дело! А «Мертвые души» действительно сам прочитал?

- Действительно, - ответил я, напуская на себя колючесть. Но мне уже приятен был этот разговор.

- Тогда давай сделаем вот что, - азартно сказал Владимир Лаврентьевич, вставая. Он подошёл к столу, взял с него стопку фотографий довольно большого формата. – Посмотри на эти фотографии и выбери три, которые тебе больше всего понравились. А я чай поставлю.

Он вышел из комнаты, а я стал рассматривать фотографии. Там были разные фотографии, но все чёрно-белые. Городские пейзажи, портреты каких-то стариков, весёлые лица школьников, портреты девушек, лошади, река, деревья, были даже цирковые клоуны на арене, спортсмены.

Я выбрал три фотографии, которые мне понравились. Помню, это был портрет худого старика, который читал газету, у него было странное лицо, а ещё я выбрал фотографию ночного города Кемерово, снятую с высокой точки. Огни фар автомобилей вытянулись в длинные линии. Мне не понятно было, как так получилось, и это мне понравилось. Третья фотография мне понравилась больше всех. На фотографии был луг и лежащий на лугу туман. Из тумана возвышалось дерево. Это явно было августовское холодное утро.

- Ну что, выбрал? – сказал он, вернувшись.

- Вот, - сказал я, встал и протянул ему фотографии.

Он рассмотрел мой выбор внимательно.

- Понятно, - размышляя, сказал он. – Понятно...

Меня его ответ не устроил. Я не понял, что ему там понятно.

Он взял не выбранные мною фотографии, быстро их перебрал, достал из стопки одну и сунул её мне. На ней было поле, дорога на этом поле, и вдалеке по этой дороге ехал на велосипеде мальчик.

- А эта нравится? – спросил он.

Я пожал плечами.

- А эта самая лучшая, - быстро сказал он. – А вот эту ты почему выбрал?

Он показал ночной пейзаж с вытянутыми линиями фар.

- Красиво, - ответил я.

- Технично, ты хотел сказать, наверное? А эту? – он показал туман.

- А эта мне нравится, - тут я запнулся. – Это август. Утро, Я такое видел.

- Молодец! Пошли чай пить.

И я стал ходить в фотокружок. Через несколько месяцев это стало для меня настолько важным и всепоглощающим занятием, что оно вступило в конкуренцию со школой, и школа, где мои успехи и без того, особенно по мнению родителей, были неблестящими, стала проигрывать. Родители пытались ограничить моё рвение, но с этим было трудно справиться. Я впервые узнал, что такое творчество, а главное, я узнал серьёзное и взрослое отношение к себе в творческом процессе.

Совсем недолго я ходил в общую группу ребят, которые пришли, как и я, случайно и для того, чтобы узнать, как работает фотоаппарат, и чтобы научиться просто изготовить фотографию. Мы ходили в фотокружок три раза в неделю и строго по расписанию проводили там два часа. Это были занятия, на которых Владимир Лаврентьевич учил нас заправлять плёнку в кассету и в бачок. Мы ходили с ним по городу и фотографировали всё подряд при разном освещении. Были ещё другие занятия по изучению других фотопроцессов. Всех нас Владимир Лаврентьевич называл юношами. Постепенно из этой группы ребята отсеивались. Либо они понимали, что то, за чем они пришли, они уже получили, либо им становилось ясно, что фотография, как занятие, им неинтересна, либо сам Владимир Лаврентьевич определённо говорил им, чтобы они больше не приходили.

- Юноша, - говорил он, - я не удивлюсь, если в среду ты больше не придёшь. Точнее, я удивлюсь, если ты придёшь.

- А чё? – спрашивал юноша.

- А не чё! – говорил Владимир Лаврентьевич. – Родители твои позвонили и поинтересовались, почему я вчера заставил тебя весь день пробыть здесь и вымыть здесь полы. Если бы ты вчера был здесь и мыл здесь пол, я бы пошёл и вымыл бы пол у тебя дома, только чтобы твои родители тебя отпускали заниматься. То, что тебя здесь не было, я родителям не сказал. Но сегодня я им позвоню и скажу, что курс обучения ты прошёл, и твои занятия у меня в фотокружке закончены навсегда. Так что с сегодняшнего дня придумывай для родителей другие мифы и легенды.

Из каждой группы оставался один или два юноши (а то и ни одного), которые вливались в небольшой творческий коллектив или, я бы сказал, в особый клуб. Это были люди (ребята), которые уже занимались индивидуальным творчеством. И, в общем-то, без расписания. Таких людей Владимир Лаврентьевич называл «дядя». Стать «дядей» была заветная мечта многих, но это было как переход в некое гиперпространство. Пространство взрослого, казалось бы, бесконтрольного, но очень ответственного доверия со стороны Владимира Лаврентьевича. И только те, кого он называл «дядя», могли между собой называть его «начальник».

Когда я ходил в общую группу, мне ужасно хотелось, остаться по окончании занятий в фотокружке и побыть среди избранных, пить чай, слушать разговоры. Я же уже один раз пил чай в Владимиром Лаврентьевичем и несколькими «дядями». Но два с лишним месяца Владимир Лаврентьевич говорил мне «юноша» и прощался со мной, как и с остальными «юношами» до следующего занятия. Я ждал.

- А в пятницу вечером ты сильно занят? – однажды после занятия неожиданно, прямо на пороге, спросил меня Владимир Лаврентьевич.

- В пятницу? – я от неожиданности ответил не сразу. Вечером я не занят. А что?

- А что? – он улыбнулся. – А то! Пойдём вместе посмотреть хорошее кино. Пойдёшь?

- Кино! А что мне сказать родителям? – растерялся я. Мне же нужно у них разрешение просить и денег...

- Как что сказать!? – искренне удивился Владимир Лаврентьевич. – Сказать, что ты вместе с руководителем кружка кино- и фотомастерства и ещё несколькими кружковцами идёшь смотреть хорошее кино. Денег не надо. Показ бесплатный. Один раз в неделю, в кинотеатре «Время» работает киноклуб! Там показывают хорошие фильмы. Ещё перед фильмом выступает киновед Листопадов. А ты что думал, я предложу тебе соврать родителям и позову смотреть «Зорро», а потом пиво пить. Удивляешь ты меня, юноша. А показался вроде умным.

Я полностью растерялся, молчал и краснел.

- Ну, ладно, - сказал через паузу Владимир Лаврентьевич, - спроси у родителей разрешения. Отпустят – пойдёшь, нет - значит нет. Мы пойдем отсюда после занятий, в пятницу в шесть.

- А какое кино будет? – робко спросил я.

- Хорошее! – почти закричал Владимир Лаврентьевич и засмеялся.

Нас пошло в кино шесть человек плюс Владимир Лаврентьевич. Я был в этом сплочённом коллективе новенький. Шли пешком, довольно далеко. Это я потом узнал, что Владимир Лаврентьевич вообще всегда по городу ходит пешком, у него всегда с собой камера (фотоаппарата), а общественным транспортом он почти не пользуется.

Мы шли, было холодно. Владимир Лаврентьевич жестом предложил мне немного приотстать.

- Понимаешь, - спокойно и серьёзно сказал он, - я не знаю, понравится тебе то кино, которое мы будем смотреть. Я даже не знаю, понравится ли оно мне. Это картина одного известного испанского режиссера, не припомню, как его зовут. Но не это главное. Не об этом я хотел тебе сказать. Дело в том, что этот киноклуб – мероприятие закрытое, ну, не для всех. На него билет купить нельзя. Можно попасть только по приглашению, потому что там показывают фильмы, которые вот так в кинотеатрах не шли и не идут. Это фильмы, которые участвовали в кинофестивалях или хранятся в госфильмофонде. Раз в неделю туда можно сходить. По пятницам. Без меня вас туда не пустят. Туда ходят актёры, журналисты, преподаватели... Ещё ряд людей, которые интересуются серьёзным кино. Многие недовольны, что я вас туда вожу. Говорят, мол, нечего юношей водить на эти показы. А я считаю, что это полезно и необходимо, - тут он откашлялся и некоторое время шагал молча. – Я это тебе говорю не для того, чтобы ты там себя тихо и прилично вёл, в этом я не сомневаюсь. Просто, будь готов к тому, что там будут нам не очень рады. И ещё...

Тут он задумался на несколько минут.

- И ещё, - продолжил он. – Я не знаю, что это будет за фильм. Не всё, что показывают в киноклубе – шедевры. Но в любом случае, это кино стоит посмотреть. Если будет скучно, попробуй справиться со скукой, досмотри до конца. Если будет не нравиться, сразу не отказывайся, потрудись, попробуй понять, зачем люди тратили плёнку, снимали это кино. Если будет что-то непонятно, спрашивай. Договорились?

- Договорились! – сказал я.

- И ещё. Это так, ерунда, но всё-таки. Многие фильмы, которые в киноклубе показывают... как бы это сказать... Ну, были бы детям до шестнадцати... Там могут быть голые женщины, могут быть разные сцены. Если эти сцены там будут, ты об этом в школе не говори, не хвастайся. А то мне запретят вас туда водить. Родителям можешь сказать, если знаешь, как сказать, и не боишься говорить. Хорошо? – он улыбнулся.

- Хорошо! – быстро ответил я.

- Ну, а если голые женщины сегодня в кино будут, - сказал он, ещё сильнее улыбаясь, - ты глаза не жмурь. Смотри и старайся понять, зачем это показывают. И ещё обязательно смотри, как на них направили свет. Это очень трудно, хорошо снимать обнажённое тело. В общем, это всё, что я хотел тебе сказать. Перед фильмом будет лекция, если что-то тебе

будет непонятно, какие-то слова неясны, не переживай. Само кино важнее. А я и сам этого киноведа Листопадова не всегда понимаю.

В маленьком зале кинотеатра «Время» собралось ОБЩЕСТВО. Там были какие-то дядьки с бородами разных форм. Какие-то дамы с причёсками и платками на плечах, какие-то худосочные, очень умные мужики с плохими зубами, которые курили возле туалета и громко смеялись. Были полноватые молодые люди в очках. Были какие-то явные артисты и художники. По фойе даже прохаживался один высокий мужчина в светлом пиджаке, и у него на шее алел шейный платок. Там я встретил одного знакомого моих родителей. Он работал вместе с отцом в университете и бывал у нас дома пару раз. Он удивился, увидев меня, и поздоровался со мной. Я даже и не представлял себе, что такие люди живут где-то в недрах нашего города. И вот они из этих недр вышли на свет и собрались в одном месте.

Мы, те, кто пришёл с Владимиром Лаврентьевичем, скромно стояли в указанном нам Владимиром Лаврентьевичем месте и помалкивали.

Потом все пошли в зал. Мы зашли последними, когда Владимир Лаврентьевич подмигнул нам, разрешая зайти. Нам достались самые плохие места, сбоку у прохода и по-одному. Лучшие места заняли полноправные члены ОБЩЕСТВА и киноклуба.

Киновед Листопадов вышел перед экраном на маленькую сцену, его встретили аплодисментами. Я не буду его описывать. Он был Листопадов. Тут мои комментарии излишни.

- Картину, которую вы сегодня посмотрите, я посмотрел два года назад на закрытом показе в Москве, - начал он бархатистым прокуренным голосом, наполовину прикрыв глаза. – После этого просмотра я два года делал всё, чтобы показать её вам. Этот фильм удивительным образом выпадает из контекста...

Дальше я не помню точно, но общий, понятный мне, смысл его выступления заключался в том, что мы увидим шедевр, очень необычный, уникальный, а главное, благодаря его усилиям привезённый в Кемерово. Он просил собравшихся обратить особое внимание.... Я не помню точно на что, потому что после слов «обратите особое внимание» он говорил минут двадцать.

Пока он говорил, Владимир Лаврентьевич несколько раз тяжело вздохнул, а во время особо пафосного фрагмента речи Листопадова, он похлопал меня по плечу.

Фильм был черно-белый и с субтитрами. Я впервые смотрел фильм с субтитрами и очень устал их читать. К тому же я просто не успевал прочитывать добрую треть.

Первые минут десять фильма мужчина, главный герой, и красивая женщина ездили на красивой машине то у моря, то по городу, то по горам. Они периодически целовались, а потом ссорились, а потом целовались ещё сильнее. Потом они поссорились совсем сильно, из-за этого мужчина поехал очень быстро, и машина сорвалась со скалы. Сам мужчина очнулся в больнице вскоре, первым делом спросил, как там женщина, а врачи промолчали с грустными лицами. Но женщина не умерла, она была без сознания. Врачи говорили мужчине, что современная медицина бессильна, но женщину можно как-то заморозить, и когда через несколько лет медицина найдёт решение, её разморозят и вылечат. Мужчина согласился. Он очень плакал и переживал в тот момент, когда её замораживали. А потом он весь фильм ждал. Он ждал, когда же медицина найдет то самое решение. Он ждал пятьдесят лет и, наверное, больше часа экранного времени того фильма. Все эти пятьдесят лет и весь тот час он её ждал, страдал и много говорил и думал о любви. Я устал это читать, но старался.

Иногда в зале смеялись, иногда дама, которая сидела рядом со мной вытирала слёзы. За спиной было тихо. Т тогда, когда мне стало уже невмоготу от чтения титров и от этого киношедевра, я оглянулся и увидел, что Владимир Лаврентьевич спит. Он сидел и тихо спал. Мне сразу стало хорошо и спокойно. Я перестал читать монологи о любви главного героя, но я не уснул. Я всё же надеялся, что в этом фильме, хоть раз, хоть на секунду, появится голая женщина. Иначе, зачем вся эта элитарность и закрытость мероприятия?

В конце фильма главному герою, уже глубокому старику, сообщают, что решение найдено. Он радуется и плачет. Женщину извлекают из холодильника, всю обмотанную фольгой. Когда её размораживали, получилось очень много пара. Пар долго рассеивался, потом он рассеялся. Женщина была по-прежнему в фольге. После этого крупным планом, во весь экран, были показаны руки врача, который разрывает эту фольгу слой за слоем. И, наконец, он разорвал последний слой, и открылась сама женщина. Она была голая. Её показывали секунд пять. Я забыл дышать. Потом она открыла глаза. Она была молодая и прекрасная, а мужчина старый и скрюченный. Он смотрел на неё и плакал.

Фильм кончился.

- Да-а-а! – услышал я сзади голос Владимира Лаврентьевича. Через секунду раздались дружные аплодисменты зала.

- Уже десятый час, родители ругать не будут? – спросил меня на улице Владимир Лаврентьевич.

- Нет. Они же меня отпустили, - сказал я.

- Позвони домой, предупреди, что едешь, - угрюмо сказал он. – Не расстраивайся, здесь не все фильмы... такие. Ещё посмотрим то, что можно будет обсудить.

Я кивнул. Но всё же я был очень доволен. Даже счастлив. Начальник взял меня с собой. Он говорил со мной серьёзно. Он заботился обо мне. И заботился тоже, как надо, серьёзно. Да, к тому же, я пять секунд видел голую женщину на экране...

Так я перешёл в заветный клуб.

- Ну, как успехи, дядя? Чего наснимал? – спросил меня на следующей неделе, после посещения киноклуба Владимир Лаврентьевич, когда я рассматривал на просвет свежепроявленную плёнку.

Тут надо сказать, что выдающихся успехов я, как фотограф, не добился. Я вообще никакими фотодостижениями Владимира Лаврентьевича или, как мы его называли, Начальника, не порадовал. У меня не получалось. Я не чувствовал света, не видел того, что видит настоящий фотограф, казалось бы, в обычной ситуации, неожиданно вскидывающий фотоаппарат... Я не чувствовал момента жизни, как надо фотографу, и не различал людей, которые на фотографиях были выразительными, а в жизни вовсе даже нет. Я тогда переживал ужасно. Я сам понимал, что у меня ничего не получается, и видел огорчённое лицо Начальника. Но теперь я этому рад. Потому что Начальник потратил на меня гораздо больше времени, чем на тех, кто свет чувствовал, всё видел, и у кого к фотографии был талант.

- Вот скажи мне, зачем ты фотографировал эти качели? – спрашивал он меня, рассматривая мои снимки. – Или вот этот грузовик зачем снимал, а?

- Качели забавные, - говорил я печально, - а грузовик мощный, страшный.

- Конечно, качели забавные, а грузовик мощный, - почти отчаянно говорил Начальник. – Но они сами по себе такие. Качели забавные, а фотография твоя не забавная, понимаешь? Ты же не грузовик должен фотографировать, а сделать фотографию, на которой будет грузовик. Грузовик, который мимо тебя ехал, был большой, мощный и страшный. А фотография у тебя никакая. Тебе было страшно, громко, ты видел мощь этого грузовика, так? А как это можно увидеть на фотографии? На твоей фотографии не видно, что грузовик мощный. И что тебе страшно, тоже не видно. Ничего не видно! Только вот грузовик и всё. Или вот качели в саду. Сами они забавные. Наверное, забавные. А фотография у тебя скучная, неживая... никакая! - он горячился и тыкал пальцем в мои снимки. – Я должен чувствовать, видеть и понимать, почему ты снял то или другое, какое у тебя было настроение, что ты почувствовал, что ты увидел в этих качелях или в этом, чёртовом, грузовике. В твоей фотографии должно чувствоваться, что ты этим хотел сказать, какие переживания передать, - тут он налил себе чаю, хотел отпить, но не отпил, а поставил чашку на стол. – Все ходят по одному и тому же городу, полю или лесу. Все! И никто ничего не видит. А ты должен увидеть, как тут упал свет, как солнце отразилось в стекле троллейбуса, как заблестели капельки росы на паутине в траве, как,

чёрт возьми, улыбается девушка, которая сидит на остановке и чего-то ждёт. Но ты должен не это всё сфотографировать, а сделать фотографию. Ты должен сразу видеть, стараться увидеть, как это будет всё на фотографии, а не как оно есть на самом деле. Если просто смотреть в окно, там за окном что? Ну, что там за окном?

- Пейзаж, - нехотя ответил я.

- Пейзаж? – передразнил он. – Там жизнь, а не пейзаж. В жизни за окном композиции нет. А в пейзаже композиция есть. Вот ты сними то, в чем композиции нет так, чтобы композиция получилась. Запомни, ты не жизнь фотографируешь. Ты делаешь фотографию. И нужно, чтобы фотография была живая. Но она живёт по другим законам. А-а-а! – он махнул рукой. – Да что я бьюсь с тобой. Если ты этого не чувствуешь, значит, я тебе ничего объяснить не смогу.

Он схватил чашку и отпил чай, обжёгся, закашлялся.

- А главное, и самое обидное, что на чужих фотографиях ты всё видишь, вкус-то у тебя есть. А сам? Сам?!

Как фотограф я не состоялся совсем. Но я долго ходил в фотокружок, уже даже не пытаюсь фотографировать. Я честно попытался стать юным фотохудожником, но не вышло. Зато у меня появилось моё особое место и особая роль в жизни фотокружка. Я стал там на какое-то время признанным экспертом и критиком. Многие мои приятели по кружку показывали свои фотографии мне, прежде чем показывать их Начальнику. Да и сам Начальник часто со мной советовался, спрашивал моё мнение о том или ином снимке. Иногда мы спорили, и сильно.

Я поводил в кружке очень много времени. Знаю точно, что мой отец пару раз говорил с Начальником по телефону и даже один раз встретился с глазу на глаз. Видимо, родителей беспокоили мои многочасовые и почти ежедневные пропадания вне дома. Отец, после встречи с Начальником, стал спокойнее и лояльнее относиться к моим «занятиям».

- Так где же фотографии? – иногда иронично поддевал он меня, зная, что я по этому поводу переживаю.

А Начальник, после разговора с отцом, стал несколько ограничивать моё время в фотокружке. Но несильно.

Мы каждую неделю ходили в кино клуб. Там я увидел довольно много хороших фильмов. Какие-то мне категорически были непонятны, а Владимир Лаврентьевич был от них в восторге. Какие-то нравились мне, а ему не нравились вовсе.

- Ну, дядя, и что ты там нашёл? Вот ты объясни мне, - горячился он, - потрудись найти слова и объяснить мне, что ты нашёл в этом фильме. Давай!

И я пытался объяснить. Я впервые старался найти точные слова, которых от меня искренне ждал взрослый и авторитетный (для меня) человек. Я чувствовал, как это сложно, как я устаю от этих разговоров, но я любил эти наши споры. И очень гордился, когда удавалось что-то смутное выразить словами. А Начальник слушал. Меня в первый раз так слушали.

Владимир Лаврентьевич очень любил слушать музыку. Он много слушал разной музыки от «Битлз» и Высоцкого до опер Пуччини и Верди. Только «Битлз» и Высоцкого он слушал чаще. Но его фонотека, по сравнению с моей, была хоть и больше, но сильно устаревшей. Я как-то принёс ему пару своих свежих записей того, что слушал сам тогда. Он очень чувствительно и радостно воспринял новое музыкальное впечатление. Я потом многие годы снабжал его новинками, и он почти всё, за редким исключением, принимал и слушал. Мы много говорили о музыке. Пили чай и говорили. Он был первым взрослым человеком в моей жизни, который также самозабвенно мог слушать и знать наизусть гитарные соло или мелодические ходы, как я. А ещё он к этому также как я серьёзно относился. Музыка сильно нас сблизила. Это была наша отдельная тема.

Но всё же я не был и никогда не стал для Начальника его товарищем и собратом-фотографом. Фотографии моих приятелей часто участвовали в разных фотовыставках. Иногда эти выставки проходили в других городах, а пару раз конкурсные мероприятия

юных фотографов проходили в Москве или Питере. Те, чьи снимки выбирали, на такие выставки ехали вместе с Начальником. Я очень хотел и завидовал, и ревновал...

- А как ты хотел?! – говорил Начальник – Таланту к фотографии у тебя нет, а если и есть, то я его в тебе разбудить не могу, - говорил он мне безжалостно, когда я помогал ему отобрать фотографии к очередной выставке. – Вот, смотри! Комаров! – и он показывал мне снимки Серёги Комарова. – Вот! Он всё видит, всё чувствует. Вот он снимет яблоко, а я его запах чувствую. И он так снимет любой мыльницей. А если ему хорошую камеру дать и оптику! Хотя он даже не понимает, что делает. И, скорее всего, пойдёт после школы учиться на шофёра, и пиши пропало. А тебе хоть какую технику дай, ничего не получится. В фотографии не получится! Но запомни, я тебе сразу это говорил. Не теряй времени... Хотя, делай, что хочешь. Только потом не пожалей...

Начальник сам фотографировал очень хорошо, но очень редко. Он и сам участвовал в конкурсах, и его фотографии попадали иногда в фотожурналы. Редко у него случались творческие припадки, и он работал ночами. Об этом говорили его красные, не выпавшиеся глаза, и блеск этих глаз. Но он редко показывал нам свои фотографии. Они были замечательные.

Однажды я летом, когда все кружковцы разъехались на каникулы, заглянул в фотокружок. Заглянул без цели, наудачу. Мне было скучно по-летнему, я слонялся и заглянул на станцию юных техников. Я постучал в дверь, без особой надежды, и дверь открыл мне Начальник.

- О-о-о! – сказал он. – Заходи, заходи! Сейчас тебе кое-что покажу.

Очевидно, он недавно закончил работу. Он показал мне ещё мокрые фотографии. Это была серия фотографий, на которых я увидел реку весной, во время ледохода. Снимки были потрясающие.

- Вот, ещё весной снимал, всё руки не доходили обработать, - говорил он и мыл руки.

Он мыл руки всегда очень тщательно, долго и очень горячей водой.

- Здорово! Просто здорово! – сказал я.

- Без сопливых скользко! – весело ответил он. – Сам знаю, что неплохо.

Он мыл руки и приговаривал: «Во-о-от они, ручки мои! Вот они, мои золотые! - говорил он и несколько раз поцеловал свои руки. «Кормилицы мои и поилицы» - бормотал он и тихо смеялся от радости.

Но больше он радовался успехам подопечных. Он мог по нескольку дней провести с кем-нибудь из пацанов, добиваясь от него совершенного исполнения печати фотографии. В случае получения результата он просто ликовал. И как же он горевал, когда кто-нибудь портил или царапал перспективную плёнку или негатив.

- Ты что сделал, дядя! – почти кричал он. – Ты же угробил такой кадр! У тебя руки откуда растут, а? Ты же его поцарапал! Всё! Ты же погубил его!

- Да ладно, Владимир Лаврентич! Не ругайтесь! – бубнил юный фотограф. – Это же мой кадр.

- Твой, ты сказал? – отступая на шаг, говорил Начальник. – Твой, да? А я тут на фигу бьюсь? Я тут что, пописать пришёл? Твой?! Он не твой! Это был просто хороший кадр! Могла получиться хорошая фотография! Понимаешь?! Хорошая! А хорошая фотография, она не твоя и не моя, она просто - хорошая! А ты её угробил! Твой кадр, главное! – передразнивал он мальчишку.

- Да я ещё сделаю! – оправдывался тот.

- Конечно, сделаешь! Попробуй только не сделать! – ворчал Начальник. – Вам всем кажется, что ещё миллион всего сделаете. А вот не сделаешь! Другой сделаешь. Лучше, хуже, сделаешь! А такого не сделаешь! Это же фотография! Понимаешь! Этого кадра уже нет. Ты его испортил! А он неповторим и всё! – он долго смотрел на виноватого. – Да не понимаешь ты. Не понимаешь и не можешь пока понять, - махнув рукой, спокойно говорил Начальник, - и не должен пока понимать. А миллион хороших ты не сделаешь. Сто, может быть, сделаешь, ну, может, тысячу... А такого кадра не будет. Этого не будет.

Его уже нет... Выброси плёнку немедленно. А то смотреть больно. Выброси, чтобы я не видел.

Летом Начальник брил голову наголо, а бороду переставал брить. А после лета он голову не стриг, а бороду брил. Летом он уходил в какие-то дальние походы. Он лез в горы или в тайгу, сплавлился на плотах по рекам. Он брал с собой несколько парней. Меня он не брал никогда. Я обижался, просил, но он был против. Мои родители, надо сказать, тоже не хотели меня отпускать с ним на такие приключения. Я сильно переживал.

Но теперь я благодарен Начальнику. Теперь я уже знаю, что не люблю палаточную жизнь, походы, которые нельзя прервать в любую минуту и вернуться к цивилизации. Я не в восторге от комаров и леса с буреломом и крапивой. Тогда я этого не знал. А он как-то догадался или увидел это во мне. Не знаю.

Я активно и много провёл времени в кружке, так и не сняв ни одной стоящей фотографии. Последний год школы потребовал от меня большего времени заниматься учёбой, чтением и подготовкой к экзаменам. Я всё реже и реже заходил, а то и просто забегал, к Начальнику в фотокружок. Забегал повидаться, может быть, выпить с ним чаю. Он пил чай часто и много, очень вкусно заваривал его в химической колбе и почему-то использовал для заварки дистиллированную воду. Говорил, что это подчёркивает вкус чая.

Потом я закончил школу, поступил в университет... И пошло, поехало! Но мы до сих пор поддерживаем тоненькую нить контакта с Начальником. Я-то теперь непонятно где. Я уехал давно. Я занимался то тем, то другим. А Начальник всё там же. Всё занимается юношами. Всё в том же фотокружке.

Почти все люди в городе Кемерово, которые сейчас работают фотографами в газетах или операторами на телевидении, прошли через наш фотокружок. Все знают Начальника.

Но и те, кто не связал свою жизнь с камерой и объективом, но был «дядей», все прилично или просто здорово снимают для себя и семьи или неплохо разбираются в фотографии. И мы все, конечно, члены особого клуба. Члены особого братства. И первое достижение, какое у нас было в жизни – это то, что один азартный, весёлый, умный, взрослый человек называл нас «дядя».

Он оказал нам доверие! Он доверил нам время своей жизни, своей надежды, свою профессию, свои представления о том, как и что...

Если можно говорить об учителях... Если бы у меня спросили: «Был ли у вас учитель?» Я бы сказал: «Был».